

18+

АННА ВЕРСКАЯ

СЛЕДСТВИЕ ПО СМЕТАНЕ

Анна Верская

Следствие по сметане

«Издательские решения»

Верская А.

Следствие по сметане / А. Верская — «Издательские решения»,

Продавщица Вера Соловьёва раскрывает три запутанных дела, пользуясь только авоськой, острым языком и умением слушать очередь. Ироничный советский детектив о том, что правда пахнет творогом, а справедливость дают без талонов.

© Верская А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Следствие по сметане

Анна Верская

Обложка ChatGPT

Иллюстрации ChatGPT

© Анна Верская, 2026

ISBN 978-5-0070-6598-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

Весна 1978 года входила в город робко, словно покупатель, забывший дома авоську. Апрельское солнце пыталось растопить серые сугробы у крыльца универсама №5, но пока побеждало с разгромным счётом в пользу сугробов. Вера Андреевна Соловьёва, продавщица молочного отдела, наблюдала эту битву сквозь заляпанное витринное стекло и думала, что природа, как и торговля, работает с перебоями.

За её спиной перемигивались лампы дневного света, гудел компрессор холодильника и размеренно, словно метроном, отсчитывал чужие судьбы кассовый аппарат. Пахло творогом, сыростью от только что вымытого пола и той особенной, ни с чем не сравнимой смесью хлорки и сливочного масла, которая и была ароматом советской продовольственной программы в отдельно взятом гастрономе.

— Девушка, а сыр «Российский» свежий? — подала голос женщина из очереди, прижимая к груди сумку с таким видом, будто в ней лежали по меньшей мере чертежи атомной подлодки.

Вера подняла глаза. Женщина была из «постоянных» — из тех, что приходят каждый день, даже если ничего не нужно, просто из гигиенических соображений: а вдруг «выбросят» что-то дефицитное, а её нет?

— Свежее не бывает, — ответила Вера спокойно, — вчера мыши приходили, смотрели, но брать отказались. Будете брать или вас из списка вычеркнуть?

Очередь сдержанно хохотнула. Женщина обиженно поджала губы, но сыр взяла. Очередь — это вам не театр, тут обидчивых не любят. Тут нужна броня или, на худой конец, хорошо подвешенный язык.

Вере Андреевне было сорок два года. Из них семнадцать она простояла за этим прилавком, и за это время её язык подвесился так капитально, что мог бы послужить образцом для строительства Останкинской башни. Она не была красавицей в классическом понимании, но в ней чувствовалась та основательная, спокойная стать, которая заставляет граждан уважительно понижать голос и не спрашивать «а почему масло вон то, жёлтенькое, только из-под полы?». Волосы убраны под накрахмаленную шапочку, халат сидит ладно, руки быстрые, взгляд — рентген. Вера видела людей насквозь. И не потому, что прошла курсы экстрасенсов (как сказали бы позже), а потому что пятнадцать лет в молочном отделе — это вам не пятнадцать лет в лаборатории психологии. Тут выбор продукта говорит о человеке больше, чем анкета в отделе кадров.

Берёт студент дешёвую сметану в бумажном стаканчике — значит, стипендия кончилась, бедствует. Берёт дама творог и кефир — сидит на диете, ждёт новую юбку из Риги. Приходит мужик за тремя бутылками водки и килькой в томате — готовится, бабы, завтра у кого-то свадьба, а у кого-то поминки. Впрочем, в стране, где килька в томате была единственным

стабильным консервантом для любого торжества, грань между тем и другим была тонкой и зависела скорее от количества выпитого.

В то утро пятницы всё шло своим чередом. Люся, напарница Веры, двадцатипятилетнее комсомольское недоразумение с томными глазами и отсутствием критического мышления, пыталась пристроить на витрину просроченный кефир, убеждая покупателей, что «он, наоборот, полезнее, когда постоял — там бактерии». Очередь бурлила, как борщ на плите, обсуждая главную новость: вчера в «Тканях» выбросили финский кримплен, и кому-то не хватило.

— Кошмар, — вздыхала полная женщина в берете. — Я отпросилась с работы, стою, а эта, завскладом, выходит и говорит: «Всё, кончился». А у самой сумка оттопыривается! Как так жить, я вас спрашиваю?

— Жить, гражданка, надо по талонам, — философски заметила Вера, — тогда и нервов меньше, и сумка у завсклада не оттопыривается, а наполняется в плановом порядке.

Очередь снова хохотнула. Веру любили. Она говорила то, что все думали, но боялись произнести вслух. Это опасное качество в стране, где за болтовню на кухне можно было схлопотать статью, но в очереди за сметаной оно сходило за «здоровый рабочий юмор».

К полудню, когда поток покупателей немного схлынул и Вера присела на табурет, чтобы перевести дух и пересчитать мелочь в лотке, дверь хлопнула, и вошла Мария Захаровна Ковалёва.

Вера знала её много лет. Старушка была из разряда «тихих покупателей» — тех, что не скандалят, не просят «отложить», не пытаются пролезть без очереди. Жила одна в доме напротив, получала пенсию с химкомбината, одевалась в драповое пальто, которое помнило ещё запуск первого спутника. Каждую среду и пятницу покупала молоко, яйца и варёную колбасу — ровно ту, что по 2.20, без жира и совести.

Но сегодня она попросила другое.

— Верочка, — сказала Мария Захаровна, понизив голос, словно шпион на явке, — взвесь мне ветчинной нарезки. Грамм триста. И дай, милая, болгарских маринованных огурчиков баночку.

Вера на мгновение замерла с ножом в руке. Ветчина? Ветчина, которую в их отдел завозили раз в месяц и которая исчезала мгновенно, расходясь по «своим»? Болгарские огурчики, которые стоили как полпачки масла и считались деликатесом для номенклатурных жён? И это покупает одинокая старушка, которая обычно на сдачу берёт мятные пряники?

— У вас праздник, Мария Захаровна? — спросила Вера нейтрально, нарезаая розовую ветчину тонкими, почти прозрачными ломтиками. — Именины?

— Да так, — замялась старушка, пряча глаза. — Гостья будет. Редкая гостья.

Гостья. Редкая. У Марии Захаровны, которая за десять лет ни разу не обмолвилась, что к ней кто-то приходит, кроме участкового (и то, когда проверял паспортный режим), вдруг редкая гостья. Интересно.

Вера взвесила, завернула в пергамент, сверху — в серую бумагу (дефицит упаковки!), аккуратно уложила в авоську к старушке. Та расплатилась мелочью, долго пересчитывая копейки, и, постукивая палкой, направилась к выходу. У двери обернулась:

— Спасибо, Верочка. Ты хорошая.

И исчезла. Вера проводила её взглядом. «Редкая гостья». Что ж, в жизни каждой старушки должны быть свои тайны. Может, сестра из деревни? Или старая подруга? В конце концов, не её это дело. Магазин — не КГБ.

Но червячок сомнения уже поселился где-то в районе профессиональной интуиции. Ветчина. И болгарские огурчики. В один день. Для редкой гостьи.

Вечером Вера, как обычно, сдала смену, пересчитала остатки (недостача в рубль двадцать — мелочь, спишем на усушку), сменила халат на плащ и вышла на улицу. Апрельский ветер кидал в лицо мелкую водяную пыль, пахло талым снегом и бензином от чадающего «газона» у служебного входа. Она поправила сумку на плече и направилась к дому — старой хрущёвке в трёх кварталах от универсама.

Дома её ждали: мама, Зинаида Петровна, лежащая после инсульта, и дочь Оля, четырнадцатилетнее создание, которое в равных пропорциях состояло из прыщей, максимализма и желания поступить в институт, чтобы не стоять за прилавком. Вера, раздевшись и помыв руки, первым делом заглянула к матери:

— Как ты, мам?

— Как в мавзолее, — донеслось с кровати. — Лежу, дышу, посетители не ходят.

Юмор у мамы был наследственный — он-то и помогал Вере не сойти с ума в этом бесконечном круговороте смен, ревизий и стояния в очередях уже по ту сторону прилавка.

— Олька где?

— У подруги. Учит английский. Говорит, хочет переводчицей стать, с иностранцами работать.

— Пусть лучше учится, — вздохнула Вера, ставя чайник. — Много нас, продавщиц, а переводчиков с финским сервелатом пока не хватает.

Вечер тянулся тихо. Радио бормотало «Театр у микрофона», Вера вязала носки (к зиме Ольке нужны новые, а в «Трикотаже» опять ничего нет), мама дремала. Где-то в половине одиннадцатого на улице завывала сирена «скорой помощи». За окном вспыхнули и погасли синие блики. Вера отложила спицы, подошла к окну. «Скорая» стояла у соседнего дома — того самого, где жила Мария Захаровна.

Сердце? В таком возрасте — запросто. Может, переволновалась от редкой гостыи? Ветчина, огурчики, нервы...

Она ещё постояла, глядя, как санитары выносят носилки, но ничего не разглядела. В конце концов, «скорая» в их районе приезжала часто — то к алкоголику дяде Коле, то к бабе Нюре с давлением. Мало ли.

Вера закрыла форточку и пошла спать.

Утро субботы встретило её запахом подгоревшей каши и голосом соседки, тётки Нины, которая без стука ворвалась в кухню, как ураган в противогазе. Тётя Нина была официальным рупором подъезда — всё, что происходило в радиусе километра, немедленно становилось ей известно. Очередь у магазина курила, а тётя Нина уже знала, у кого муж запил, у кого дочь загуляла и кому вчера привезли югославскую стенку.

— Верка! — выпалила она, хватая со стола конфету (без спросу, но это святое право соседки). — Ты слышала? Мария Захаровна померла! Ночью. Сердце. Скорая приезжала, да поздно. Уже холодная лежала. Одна в квартире. Кто теперь её комнату займёт, а?

Вера замерла с половником в руке. Значит, всё-таки сердце.

— Как померла? — спросила она, хотя что тут спрашивать. Померла — значит, померла. — Я ж её вчера видела. Ветчину брала, огурчики... Ждала кого-то.

— Ветчину? — тётя Нина аж присвистнула. — Ну, значит, напоследок порадовала себя старушка. А гостыя эта, наверное, ушла уже. Или её и не было. Может, она для себя купила — знаешь, как старики: предчувствуют смерть и балуют себя напоследок.

Вера покачала головой. Нет. Не для себя. Она слишком хорошо помнила этот взгляд — смущённый, счастливый, заговорщицкий. Такой взгляд бывает у женщин, которые готовятся к свиданию. Даже если женщине семьдесят пять.

— А похороны когда?

— В понедельник, наверное. Племянница приедет. Из Харькова. Ты её не знаешь — она тут два года не была, а теперь вот, припрётся за наследством. Помяни моё слово, Верка: начнётся дележка. У Марии Захаровны, говорят, сберкнижка пухлая была — не пила, не ела толком, всё копила.

Вера молча налила чай. Внутри неё щёлкнул какой-то тумблер. Не то чтобы она подозревала криминал. Просто ей было интересно. Кто эта редкая гостыя? Почему старушка так волновалась? И куда исчезла после смерти?

Она не знала, что через три дня эта история закрутится вокруг неё так, что она окажется в центре расследования — без милиции, без ордера, только с авоськой, половником и безупречным знанием человеческой натуры. Но это будет потом.

А пока Вера Андреевна Соловьёва сделала глоток чая, отодвинула подгоревшую кашу и сказала вслух, ни к кому не обращаясь:

— Что-то тут не чисто.

— Где? — встрепенулась тётя Нина. — В молочном?

— Везде, — ответила Вера. — Но в молочном особенно.

И улыбнулась краешком губ. Потому что знала: в их районе ничего не случается просто так. А ветчина, купленная одинокой старушкой за несколько часов до смерти, — это не просто ветчина. Это улика. Вкусная, дефицитная, но улика.

Глава 2

Понедельник начался не с кофе — растворимый «Бодрость» Вера приберегала для особых случаев, а понедельник к таковым не относился. Понедельник начался с того, что будильник марки «Слава» зазвенел ровно в шесть утра, и Вера, не открывая глаз, нащупала кнопку и нажала с такой силой, что будильник обиженно хрюкнул и замолчал навсегда.

— Мать, будильник сдох, — сообщила она из-под одеяла.

— Значит, ты тоже, — философски отозвалась Зинаида Петровна со своей кровати. — Вставай, трудящаяся. Страна ждёт своего молока.

— Страна подождёт, — буркнула Вера, но встала. Страна умела ждать — это было её главное национальное достижение, но Вере не хотелось, чтобы ждали персонально её. Это неудобно: когда ты опаздываешь, а у дверей уже стоят сорок человек с бидонами, и у каждого во взгляде — молчаливый упрёк пополам с надеждой, что сегодня «дадут» сметану без предварительной записи в три руки.

К восьми она уже стояла за прилавком, свежая, как майская роза, если розу предварительно накрахмалить и отгладить. Белый халат, шапочка на волосах, весы протёрты, гири сияют, в лотке — положенные двадцать семь копеек мелочью на сдачу. Люся опаздывала, но Вера уже не сердилась — привыкла. Люся могла опоздать даже на собственные похороны, потому что «встретила Вадика из соседнего отдела, и он рассказал, что в „Галантерее“ дают перламутровые пуговицы, а это такой дефицит, вы не представляете, Вера Андреевна, такой дефицит, что люди с ночи занимали, а я успела сто двадцать седьмой в списке, и мне обещали отложить, если я к обеду подойду, можно я на полчаса пораньше уйду, а?».

В общем, Люся была существом безобидным, хотя и бесполезным, как талон на стиральный порошок в доме, где нет стиральной машины. Вера её терпела — во-первых, из жалости (дура душой, но не злая), во-вторых, из практических соображений: Люся могла стоять в очереди за кого угодно, и это было её главным талантом. Она стояла вдохновенно, самозабвенно, как заслуженная артистка на сцене, и ни разу не уходила, пока не дадут. Даже если давали не то, что обещали, даже если давали вообще не ей. Люся стояла и ждала — и в этом была её комсомольская доблесть.

Около полудня, когда Вера как раз объясняла очередной покупательнице, что творог не может быть «позавчерашним, но свежим», потому что это противоречит законам физики и Уголовному кодексу, дверь хлопнула, и вошла незнакомая женщина.

Она была из тех, кого Вера с первого взгляда определяла в категорию «гостьи столицы». Нет, не москвичка — москвички заходят иначе, у них осанка победительниц. Эта была из областного центра, но с претензией. Лет сорока пяти, в платке «под Павловский Посад» (ярком, крикливом, явно купленном по случаю, а не по потребности), с дорожной сумкой в одной руке и выражением лица «я приехала, и всем сейчас будет неудобно» — в другой. Выражение лица, надо заметить, было главной деталью её облика. Такое лицо Вера видела у женщин, которые приходят в гастроном за пять минут до закрытия и требуют, чтобы им открыли мясной отдел, потому что «у меня муж из рейса вернулся».

— Мне нужна Вера, — объявила женщина, оглядывая очередь с видом полководца, оценивающего поле боя.

Очередь недовольно загудела. Люся, только что подоспевшая после «пуговичной эпопеи», открыла было рот, чтобы сказать, что тут все заняты, но Вера её опередила:

— Я Вера. А вы, простите, кто?

— Я Галя. Племянница Марии Захаровны Ковалёвой. Которая померла в пятницу.

Очередь притихла. Фамилия покойной была известна всем — ещё бы, такая новость в районе не каждый день. Смерть соседа — это событие, которое обсуждается неделю, а если сосед ещё и со сберкнижкой, то две.

Вера отложила нож для масла, которым как раз поддевала заскорузлый ценник, и вытерла руки о полотенце.

— Соболезную, — сказала она. — Хорошая была женщина.

— Хорошая, — кивнула Галя, но как-то рассеянно, словно хорошесть покойной тётки волновала её меньше, чем нечто иное. — Мне про вас говорили. Что вы всех в районе знаете. Может, подскажите: кто к тёте хаживал в последнее время?

Вера прищурилась. Так. Значит, не просто познакомиться пришла. Не просто «спасибо, что обслуживали». Пришла с вопросом. И вопрос этот — про гостей.

— А почему вы спрашиваете? — поинтересовалась Вера, возвращаясь к ценнику. — Милиция уже занимается?

— Занимается, — Галя поджала губы, — но им лишь бы закрыть побыстрее. Сказали: старушка старенькая, сердце, бытовуха. А у неё сберкнижка пропала!

Очередь ахнула. Пропавшая сберкнижка — это был сюжет уровня «в гастроном завезли гречку без очереди». Такого не бывает, но если бывает, то все хотят знать подробности.

— И вы думаете, кто-то из гостей... — начала Вера, но Галя перебила:

— А может, и не гость. Может, свои. Соседи там, или кто... У вас же все всё знают. Вот я и пришла. — Она вдруг понизила голос и добавила доверительно: — Там на книжке было не меньше трёх тысяч. Тётя Мария всю жизнь копила. На похороны себе откладывала, на памятник. А теперь ни книжки, ни памятника. Что ж это за люди, а?

Вера молчала. Три тысячи. Сумма, конечно, немалая — почти как две «Волги» или тридцать шесть пар югославских сапог, если повезёт. Но откуда Галя знает точную цифру? Мария Захаровна никогда не говорила о деньгах — Вера за десять лет знакомства не слышала от неё ни слова про сбережения. А тут племянница, которая, по словам тёти Нины, два года не появлялась, называет сумму с точностью до сотни.

— А вы когда приехали? — спросила Вера без особого выражения, просто чтобы поддержать разговор.

— Сразу, как телеграмму получила, — ответила Галя, глядя куда-то в сторону, на витрину с сырами. — Тётя мне телеграмму дала: «Приезжай, разговор серьёзный». Я и сорвалась. А приезжаю — она уже мёртвая.

Телеграмма. «Приезжай, разговор серьёзный». Вера машинально отметила это в памяти — туда же, где уже хранились сведения о ветчине, болгарских огурчиках и «редкой гостье». Что-то не складывалось. Если Мария Захаровна ждала в пятницу таинственную гостью, зачем ей вызывать племянницу из Харькова? Две гостьи в один вечер? Или одна из них — не та, за кого себя выдаёт?

— Я поспрашиваю, — пообещала Вера. — У меня есть знакомые в доме. Если что узнаю — передам.

Галя кивнула, поблагодарила, поправила платок и направилась к выходу. У двери обернулась:

— Я пока у Киры остановилась. У председательницы домкома. Она тёти Марии соседка, может, знаете?

— Знаю, — сказала Вера.

Она знала Киру. И это знание ей сейчас очень не нравилось.

Когда Галя ушла, очередь, сдерживаемая всё это время светскими приличиями, взорвалась, как бутылка домашнего вина, которую забыли вовремя открыть. Женщины загалдели разом:

— Три тысячи! Вы слышали? Три тыщи у старушки!

— А племянничка-то, видать, за деньгами приехала, не за покойницей!

— Да она ж её два года не видела! Я у Нины спрашивала — ни разу не приезжала, ни одного письма!

— Ой, девоньки, чует моё сердце, тут дело нечистое...

Вера слушала этот гомон, как дирижёр слушает оркестр перед концертом: каждый инструмент сам по себе, но вместе — симфония. Симфония народного сыска. И в этой симфонии уже звучали первые ноты — пока ещё разрозненные, пока ещё не оформленные в мелодию, но Веру не проведёшь. Она знала: в очереди за сметаной рождается истина. Надо только уметь слушать.

Вечером, после смены, Вера не пошла сразу домой. Вместо этого она притормозила у лавочки, где, несмотря на апрельский ветер и угрозу дождя, уже сидела тётя Нина с бабой Зоей и обсуждала, разумеется, покойницу и её миллионы. Баба Зоя вязала носок (один и тот же

третий год — Вера подозревала, что это уже арт-объект, а не предмет гардероба), тётя Нина лузгала семечки и транслировала новости в режиме реального времени.

— Верка, садись! — замахала тётя Нина. — Тут такое, такое! У тебя ж Галя эта была? Ну, племянница? Вот я тебе скажу: тёмная личность. Я её ещё в четверг видела!

— В четверг? — Вера села на край лавки. — А говорила — приехала после телеграммы, в субботу.

— Вот и я о чём! — тётя Нина аж подпрыгнула. — В четверг вечером гляжу: идёт такая, с сумкой, к дому Марии Захаровны. Я ещё думаю — кто? Не знаю. А теперь вижу — она и есть! Значит, до смерти ещё приехала!

— Может, просто раньше, и телеграмма раньше была, — осторожно предположила Вера.

— Ага, раньше! А Кира мне сегодня сказала: телеграмма в субботу пришла. Уже мёртвой. Вот и думай.

Вера задумалась. Картина вырисовывалась интересная. Племянница приезжает в четверг, ещё до смерти тётки. В пятницу Мария Захаровна покупает ветчину и ждёт гостью. В пятницу вечером умирает. В субботу приходит телеграмма — уже мёртвой. А Галя утверждает, что приехала по вызову.

— А что за «сотрудница собеса» к ней ходила? — спросила Вера, меняя тему. — Ты говорила, видели кого-то.

— Ой, Вер, это вообще цирк! — оживилась баба Зоя, откладывая носок-долгожитель. — Ходила какая-то. В сером берете. Приятная, вежливая. Говорила, мол, из собеса, перерасчёт пенсии. Я ещё подумала — что за перерасчёт, у меня пенсия пять лет не перерасчитывалась, а тут вдруг к одной ходят? Но она тихо так, скромно. Два раза приходила. Один раз вышла с авоськой, а там что-то звякало. Не то банки, не то бутылки.

— И приметная она, — добавила тётя Нина. — У неё родинка вот тут, у губы. Слева. Я ещё подумала — симпатичная какая, жаль только, что с родинкой.

Вера запомнила. Серый берет. Родинка у левого уголка губы. Авоська со звякающим содержимым. И главное — представлялась сотрудницей собеса, но бабки из собеса в их районе знали всех наперечёт, и эту женщину не опознала ни одна. Самозванка.

К ночи, когда Вера лежала в постели и слушала, как за окном переругиваются коты и чей-то невыключенный приёмник передаёт сигналы точного времени, она мысленно раскладывала факты по полочкам.

Полка первая: Галя. Приехала раньше, чем говорит. Знала сумму вклада. Спрашивает про «гостей» — боится, что кто-то претендует на наследство. И остановилась у Кире.

Полка вторая: Кира. Председатель домкома. У неё ключи. Она первая нашла тело. Она купила в пятницу дорогой сыр — странно для экономной женщины. И у неё живёт Галя. Совпадение? Вера в совпадения не верила.

Полка третья: «сотрудница собеса». Самозванка. Ходила к старушке. Выносила что-то в авоське. Исчезла. Родинка у губы — примета редкая.

Три ниточки. И все три ведут к одному клубку. Но Вера не спешила его распутывать — она знала, что в таких делах спешка нужна только при ловле блох и в очереди за финским сервелатом. А в расследовании нужно терпение, наблюдательность и хорошая память.

С памятью у Веры всё было в порядке. С наблюдательностью — тем более. Оставалось только ждать, когда кто-то из троих совершит ошибку.

И во вторник утром эта ошибка случилась.

Вера зашла в сберкасса — нужно было оплатить квартплату. Сберкасса помещалась в том же здании, что и почта, и Вера, прежде чем встать в очередь к окошку, на секунду задержалась у стенда с бланками — проверяла, не забыла ли заполнить квитанцию. Подняла глаза.

За окошком сидела кассирша. Лет тридцати пяти. Приятное лицо. Серый берет лежал тут же, на стуле, рядом с сумочкой. И у неё была родинка. У левого уголка губы.

Вера медленно, не подавая виду, протянула квитанцию в окошко.

— Будьте добры.

— Сейчас, — ответила кассирша, и Вера заметила, как у неё дрожат пальцы, когда она пересчитывает мелочь.

Вот, значит, где ты прячешься, «сотрудница собеса». В сберкассе. Там же, где хранились сбережения Марии Захаровны. Там, где можно узнать сумму вклада. Там, где можно подделать документы, если очень надо. Или если очень попросили.

Вера взяла квитанцию, поблагодарила и вышла на улицу. В висках стучало. Значит, три ниточки не просто ведут к одному клубку — они пересекаются. И пересекаются они в сберкассе.

— Ну что ж, — сказала она себе под нос, поправляя сумку на плече. — Будем распутывать.

И направилась домой, чтобы поставить чайник и хорошенько подумать. Потому что думать в их районе нужно было быстро — жизнь текла стремительно, сплетни распространялись ещё быстрее, а правда имела неприятную привычку тонуть в майонезе домыслов, если её вовремя не выудить на поверхность.

Глава 3

Утро вторника началось с того, что будильник «Слава» — тот самый, что вчера героически пал на поле боя с Вериной рукой, — неожиданно ожил и зазвенел с удвоенной силой. Видимо, отлежался.

— Чтоб тебя, — сказала Вера и нажала кнопку. На этот раз без смертоубийства — просто выключила.

— Живой? — донеслось с материнской кровати.

— Живее всех живых, мам.

— Значит, ты его недооценила. Будильник — он как советский народ: чем хуже с ним обращаются, тем крепче.

Вера хмыкнула и пошла умываться. В голове всё ещё крутилась вчерашняя картинка: сберкасса, серый берет на стуле, дрожащие пальцы и родинка у левого уголка губы. Значит, «сотрудница собеса» — кассирша. Не мошенница с вокзала, не цыганка, а обычная женщина, которая сидит в окошке и пересчитывает чужие деньги. И которая дважды приходила к Марии Захаровне под вымышленным предлогом. А потом выносила из её квартиры что-то звякающее в авоське.

«Банки? Бутылки? — размышляла Вера, натягивая халат в подсобке. — Или, может, не банки вовсе? Может, ключи? Или... заколки чешские, в которые вцепилась Люся? Нет, для заколок слишком звякало. Тут что-то другое».

Люся, кстати, сегодня опоздала всего на шесть минут и выглядела неожиданно собранной. Оказалось, заколки, добытые вчера путём бартера, придали ей ответственности.

— Вера Андреевна, я сегодня творог сама разложу! — объявила она с порога. — И кефир проверю. И даже очередь перепишу!

— Люся, — Вера оторвалась от накладной, — ты здорова? Температуры нет? Может, домой пойдёшь?

— Не-а, я в порядке! Просто настроение хорошее. Заколочки!

Она тряхнула головой, демонстрируя изделие чехословацкой промышленности, которое сияло зелёненьким камушком и угрожало выпасть при любом резком движении. Очередь — на этот раз всего человек десять — с интересом уставилась на Люсину причёску, и одна тётка даже спросила, где дают. Услышав, что уже нигде, тётка вздохнула и сказала: «Как всегда. Сначала дают, а потом говорят, что не давали». Это была квинтэссенция советской торговли, упакованная в одну фразу.

К обеду Вера созрела. Вчерашняя встреча в сберкассе требовала продолжения. Кассиршу она нашла, но говорить с ней прямо, при всём честном народе, было нельзя. Нужен был другой заход. И Вера знала, с кого начать.

С Киры. Председательницы домкома. Женщины, у которой были ключи от квартиры Марии Захаровны и которая первой нашла тело. Женщины, у которой остановилась Галя. И женщины, которая — Вера нюхом чуяла — знала больше, чем рассказывала.

Она отпросилась у Люси на час, пообещав, что к вечернему наплыву вернётся. Люся кивнула, поправила заколку и встала за прилавок с видом капитана, принимающего командование. Вера надеялась, что к её возвращению отдел не разграбят и не запишут в очередь двести человек на несданный кефир.

Дом Марии Захаровны встретил её знакомым запахом подъезда — жареной рыбы, сырости и той особой хлорки, которую использовала уборщица баба Тася, разводившая её, кажется, прямо из таблеток сухого спирта. На втором этаже, у двери с табличкой «Председатель домового комитета. Часы приёма: вторник, четверг с 18 до 20», Вера остановилась и нажала звонок.

Звонок тренькнул. За дверью что-то упало — кажется, кастрюля. Потом шаги, быстрые и дробные, как у человека, который надеялся, что к нему не придут, но оши бся.

Кира открыла. На ней был домашний халат с люрексом, который Вера помнила ещё с прошлогоднего «выброса» в «Тканях» — их тогда разобрали за час, и Кира явно была в числе первых. Вид у председательницы был взъерошенный, а в руке она держала полотенце, которым, судя по мокрому пятну на халате, только что что-то протирала.

— Вера Андреевна? — Кира попыталась изобразить радушие, но вышло как-то криво. — Вы? Ко мне? По какому вопросу?

— По личному, — сказала Вера и, не дожидаясь приглашения, шагнула в прихожую. — Можно?

— Да, конечно, заходите... — Кира отступила, пропуская гостью. — Только у меня не прибрано. Я тут... кастрюлю уронила.

— Слышала, — сказала Вера.

Кухня у Киры была маленькая, но уютная, с занавесками в цветочек и календарём «Советская женщина» за прошлый год — видимо, новый ещё не дали. На столе стояла початая бутылка валерьянки, и Вера сразу отметила: рядом с бутылкой — два стакана. Один пустой, второй с мутными разводами. Значит, была не одна. Галя? Или кто-то ещё?

— Чаю? — спросила Кира без энтузиазма.

— Нет, спасибо. Я на минуту. — Вера села на краешек табурета, давая понять, что визит короткий, но содержательный. — Кира, я пришла поговорить о Марии Захаровне.

Кира напряглась. Это было заметно по тому, как она перехватила полотенце и как быстро облизнула губы.

— А что о ней говорить? Померла старушка. Жалко. Я «скорую» вызвала, да поздно.

— Знаю. — Вера помолчала, разглядывая валерьянку. — Вы в пятницу купили у нас «Российский» сыр. Я запомнила. Обычно вы берёте плавленый. А тут — дорогой. Праздновали что-то?

— Я... с горя! — выпалила Кира и тут же осеклась, поняв, что фраза прозвучала двусмысленно. — В смысле, расстроилась и решила себя побаловать. А что, уже и сыр нельзя купить без допроса?

— Можно. Всё можно. — Вера говорила мягко, но с той особой интонацией, которая у неё выработалась за годы общения с покупателями, пытавшимися пролезть без очереди. — Но когда женщина покупает дорогой сыр в день смерти соседки, к которой у неё ключи, и у которой потом находят пропажу сберкнижки, — это, согласитесь, заставляет задуматься.

Кира побледнела..

— Ключи у меня от всех квартир, — сказала она глухо. — Я председатель. На случай пожара. Вы что, меня в чём-то обвиняете?

— Я не обвиняю, — Вера покачала головой. — Я спрашиваю. Потому что хочу понять, что случилось. Мария Захаровна была моей покупательницей десять лет. И за несколько часов до смерти купила у меня ветчину и болгарские огурчики. Для гостя. Для редкого гостя. А вы, как я понимаю, знали, что к ней кто-то ходит.

Кира опустила на стул. Плечи её опустились, и она вдруг стала похожа не на грозного председателя домкома, а на усталую женщину, которая слишком много на себя взвалила и теперь не знает, как это с себя снять.

— Знала, — сказала она тихо. — К ней ходила какая-то тётка. В сером берете. Представлялась сотрудницей собеса. Мол, перерасчёт пенсии оформляет.

— И вы в это не поверили.

— А вы бы поверили? — Кира вскинула глаза. — У нас из собеса только Петровна ходит, и та вечно с перегаром, в стоптанных ботинках. А эта — приличная, вежливая, в берете. Я Марии Захаровне сразу сказала: гони её в шею, это мошенница! Окрутит тебя, бабушка, и останешься без гроша. А она мне: «Не твоё дело, она по делу». По какому делу? Что за дела у одинокой старушки с незнакомой тёткой?

— И вы позвонили Гале, — подсказала Вера.

Кира вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

— Догадалась. — Вера слегка улыбнулась. — У вас телефон, у Гали в Харькове — тоже, я полагаю. Вы боялись, что наследство уплывёт, и решили позвать законную наследницу. Пусть разберётся. Правильно?

Кира молчала. Потом кивнула.

— Я как лучше хотела! Пусть приедет, посмотрит, что за баба такая. Я ей сказала: тут к твоей тётке какая-то повадилась, боюсь, как бы чего не вышло. Я не думала, что так обернётся!

— И Галя приехала в четверг, — продолжила Вера. — На день раньше, чем говорит. Вы дали ей ключи. Она зашла к тёте, устроила скандал. А в пятницу вечером Мария Захаровна умерла.

Кира закрыла лицо руками.

— Я не знала, что у неё сердце больное, — прошептала она. — Я вообще про сердце не думала. Я думала — разберутся по-семейному, и всё встанет на места. А теперь вот... книжка пропала, Галя злая, участковый ходит, а я валерьянку пью.

— Два стакана? — Вера кивнула на стол.

— Это не мне. — Кира опустила глаза. — Это Гале. Она вчера приходила, плакала. Говорит, её теперь в милиции подозревают. А я ей что скажу? Я сама ничего не понимаю.

Вера помолчала. Картина прояснялась.

— Вы знаете, кто эта женщина на самом деле? — спросила Вера.

— Нет. — Кира покачала головой. — А вы? Знаете?

— Пока нет. Но узнаю.

Вера поднялась.

— Спасибо, Кира. Вы мне помогли.

— Я ничего не брала! — выкрикнула Кира в спину уходящей Вере. — И Галя не брала! Она только искала книжку, но не нашла! Мы не воровки!

— Верю, — сказала Вера, не оборачиваясь. — А валерьянку пейте по каплям. Два стакана за вечер — это перебор.

На улице Вера остановилась. Ветер трепал верхушки тополей, пахло талым снегом и бензином, откуда-то из-за угла доносился крик: «Кому сказала — очередь за мной, я с восьми утра стояла!» Жизнь шла своим чередом.

Итак, что мы имеем? Кира позвонила Гале, потому что испугалась за наследство. Галя приехала, устроила скандал. Старушка умерла. Сбёркнижка пропала. А «сотрудница собеса» — кассирша с родинкой — теперь знает, что её ищут, и боится.

Осталось только поговорить с самой кассиршей.

Вера поправила сумку на плече и направилась в сторону сбёркасы.

В сберкассе, как всегда, пахло канцелярским клеем и чужими деньгами. За окошком сидела она — та самая. Серый берет лежал на стуле. Родинка — на месте, у левого уголка губы. Вид у кассирши был такой, будто она третий день не спит. Вера про себя это сразу отметила: такие вещи наметанный глаз продавщицы фиксирует автоматически, как недостачу в три рубля.

Она подошла к окошку и, недолго думая, сказала негромко, чтобы не слышали другие посетители (их, к счастью, не было — обеденный перерыв):

— Здравствуйте. Я Вера Андреевна Соловьёва, продавщица из молочного отдела универсама номер пять. А вы — та женщина, которая приходила к Марии Захаровне Ковалёвой под видом сотрудницы собеса.

Кассирша побледнела. Не фигурально — реально. Пачка десятирублёвок, которую она пересчитывала, веером рассыпалась по столу.

— Я... я не понимаю...

— Понимаете. — Вера смотрела ей прямо в глаза. — Вас видели. Серый берет, родинка у губы. Вы приходили дважды. Во второй раз вышли с авоськой, и в авоське что-то звякало. Через день старушка умерла, и пропала её сберкнижка. Я не из милиции, но я хочу знать правду. Мария Захаровна была моей покупательницей десять лет. И я хочу понять, что случилось.

Кассирша молчала. Потом медленно, словно во сне, сняла берет и положила его на стол.

— Я не воровка. — Голос у неё был тихий, с дрожью. — Я не брала её денег. Можно... можно не здесь? Я всё расскажу. Только не здесь. Завтра, в обед. В парке, у каруселей. Там сейчас никого.

— Знаю, — кивнула Вера. — Я приду.

Она вышла из сберкассы и зажмурилась от яркого апрельского солнца. Завтра, у каруселей, она узнает правду. А пока нужно возвращаться в отдел — спасти Люсю от наплыва жаждущих кефира и творога.

Вечером, дома, Вера сидела на кухне и чистила картошку. Мысли крутились вокруг трёх женщин, каждая из которых могла быть замешана в истории со сберкнижкой. Галя, племянница. Кира, соседка с ключами. И кассирша — таинственная «сотрудница собеса» с родинкой и дрожащими пальцами.

— Ты чего молчишь? — спросила мать с кровати. — Картошку насквозь протрёшь.

— Думаю, мам.

— О чём?

— О том, что в нашем районе правду найти труднее, чем гречку. Но, кажется, завтра мне её дадут.

— Смотри, чтобы без очереди, — хмыкнула Зинаида Петровна. — А то знаю я эти «дают» — сначала обещают, а потом говорят: приходите в четверг.

— Мам, я серьёзно.

— И я серьёзно. В четверг завоз, сама говорила.

Вера улыбнулась и принялась резать картошку. За окном сгущались сумерки. У лавочки собирались бабки — тётя Нина уже что-то горячо обсуждала с бабой Зоей, и Вера знала: сейчас они обсуждают её. И Киру. И Галю. И таинственную «собесовку». Район жил своей жизнью, и правда в нём была не просто фактом — она была предметом первой необходимости. Как хлеб. Как соль. Как дефицитные заколки с зелёными камушками.

Завтра, у каруселей, она узнает всё. Или почти всё.

Глава 4

К полудню среды очередь в молочном отделе достигла той особой кондиции, когда люди уже не просто хотят купить творог, а начинают обсуждать друг друга. Тётка в берете, та самая, что вчера возмущалась несправедливым распределением сервелата, теперь делилась с соседкой по очереди наблюдениями за Кирой.

— Я вам говорю, она сама не своя! Иду мимо, а она у подъезда стоит и курит! Кира! Которая на всех собраниях про моральный облик докладывает!

— Курит? — ахнула соседка. — Прилюдно?

— Вот вам и моральный облик, — поджала губы тётка. — А всё почему? Потому что совесть нечистая. Чует моё сердце, замешана она в этой истории с книжкой!

Вера взвешивала сметану и слушала. Народный сыск работал без выходных, без зарплаты и, надо признать, с впечатляющей точностью. Кира действительно была сама не своя — Вера вчера убедилась в этом лично. Но не потому, что книжку украла, а потому что запуталась в последствиях собственного телефонного звонка.

Люся, вооружённая заколкой и новообретённой ответственностью, справлялась с очередью почти самостоятельно. Вера лишь изредка поправляла её, когда та пыталась взвесить творог «на глазок, тут примерно полкило, я чувствую».

— Люся, чувства — это прекрасно, но весы — точнее. Особенно когда речь идёт о деньгах, — сказала Вера, поправляя гирьку. — Запомни: покупатель простит тебе грубость, но не простит недовес. Это тебе не поэзия, это торговля.

— А жаль, — вздохнула Люся. — Если бы торговля была поэзией, я бы работала лучше всех. Я в школе стихи писала.

— И что же ты писала?

— «Люблю я кефир и сметану, и творог девятипроцентный...» Дальше не помню. Меня тогда из редколлегии выгнали.

— За что?

— За девятипроцентный. Сказали, что это намёк на капиталистический уклон. Потому что у нас всё десятипроцентное, а девять — это недолив.

Вера хмыкнула и пошла в подсобку — переодеться. Через полчаса встреча у каруселей.

Парк, где находились карусели, был из тех мест, которые выглядят так, будто когда-то здесь собирались построить светлое будущее, но что-то пошло не так, и построили только склад забытых надежд. Ржавые лошадки застыли в вечном галопе, лодочки-качели скрипели даже без ветра, а асфальт на дорожках был покрыт трещинами, в которых уже проклюнулась трава.

Но было в этом запустении что-то успокаивающее — как в старом пальто, которое давно пора выбросить, а рука не поднимается.

Вера пришла на пять минут раньше. Села на скамейку, поправила плащ, огляделась. Никого. Только ворона сидела на голове гипсового пионера, что стоял у входа в парк, и каркала так монотонно, будто зачитывала постановление облисполкома.

В пять минут первого показалась фигура в сером берете. Кассирша шла быстро, озираясь по сторонам, как человек, который боится, что за ним следят. Увидела Веру — и на секунду замерла. Потом решительно направилась к скамейке.

— Здравствуйте, — сказала она, запыхавшись.

— Здравствуйте. Садитесь. Здесь нас никто не услышит. Даже ворона — и та, кажется, пьяная.

Кассирша нервно улыбнулась и села на край скамейки, как садятся на приёме у зубного — вроде бы добровольно, но лучше бы куда-нибудь подальше. Вера заметила, что пальцы у неё по-прежнему дрожат.

— Как вас зовут? — спросила Вера.

— Валентина. Валентина Петровна. Можно просто Валя.

— А я Вера Андреевна. Но можно просто Вера. Рассказывайте, Валентина. Что вы делали у Марии Захаровны? И почему представлялись сотрудницей собеса?

Валентина долго молчала. Ворона на голове пионера перестала каркать и, казалось, тоже прислушалась. Потом кассирша вздохнула — так глубоко, будто перед прыжком в воду, — и начала.

— Мария Захаровна... она была моей матерью.

Вера ждала разного. Что кассирша — мошенница. Что — дальняя родственница. Что — подруга, которой старушка задолжала деньги. Но такого она не ожидала.

— Матерью? — переспросила она, и в голосе её впервые за всё расследование не было ни иронии, ни сарказма — только удивление. — У Марии Захаровны не было детей.

— Был. Я. — Валентина смотрела на ржавые карусели, и слёзы текли по её щекам. — Меня родили в сорок втором году. В эвакуации. Мать была совсем девчонка, одна, без мужа. Отец — какой-то солдат, она даже фамилии его не знала. Ей сказали: отдай в детдом, сама не выходишь. Она отдала. И молчала. Всю жизнь молчала. Вышла замуж, овдовела, жила одна. А я выросла в детдоме, потом техникум, потом работа. И полгода назад... через архив... нашла её.

Вера молчала. В горле вдруг встал комок — тот самый, который появляется, когда видишь не преступника, а человека. Просто человека с разбитой судьбой, которая не укладывается ни в одну статью Уголовного кодекса.

— Вы приехали к ней.

— Да. Устроилась в сберкассе, чтобы быть рядом. Она просила никому не говорить. Стыдилась. Боялась, что соседи узнают, осудят. Говорила: «Время было такое — позор. А теперь я старая, зачем ворошить». Я к ней ходила, помогала. Представлялась сотрудницей собес — она сама придумала. Сказала: «Так никто не заподозрит». Я два раза была. А в третий... в прошлую пятницу...

— В тот день, когда она умерла.

— Да. — Валентина достала платок, вытерла глаза. — Мы договорились: она накроет стол. Впервые в жизни. Как мать и дочь. Она купила ветчину, огурчики... я принесла вина. Мы сидели, она плакала, просила прощения. А потом сказала: «Я на тебя сберкнижку переписала. Дарственная у нотариуса. Это тебе». Я не просила! Честное слово, я не ради денег!

— Я верю, — тихо сказала Вера.

— Я ушла в десятом часу. Она была жива и счастлива. Я тоже. А через два часа... сердце. Я утром узнала. И испугалась. Документы не оформлены до конца, дарственная у нотариуса лежит, но если объявится законная наследница — всё пропадёт. Я пошла в квартиру, ключ у меня был, мать дала. Забрала сберкнижку. И унесла остатки ужина — пустые бутылки и банки. Чтобы никто не догадался, что я там была. Вот и всё.

Она замолчала. Ворона на пионере встрепенулась и улетела. Вера смотрела на Валентину и видела: не врёт. Такие вещи не придумывают. Такие вещи носят в себе годами, а когда рассказывают — они выходят вместе со слезами и дрожью в голосе.

— Значит, книжка у вас, — сказала Вера.

— У меня. Я не украла. Это мать мне оставила. Но если вы скажете в милицию...

— Не скажу. — Вера покачала головой. — Но Галя тоже имеет право. Она хоть и жадная, и скандальная, и врёт про телеграмму, но она родная кровь. И она тоже потеряла тётку. Пусть не так, как вы мать, но всё же.

— Что же делать? — прошептала Валентина.

Вера повернулась к ней.

— Я предлагаю договориться. Завтра вечером придёте ко мне. Будет Галя. И Кира, наверное, тоже подтянется — куда ж без неё. Разберёмся. По-человечески. Без милиции, без суда, без протоколов. Вы согласны?

Валентина кивнула. Потом вдруг взяла Веру за руку — неожиданно, порывисто.

— Спасибо вам. Я думала, меня посадят. А вы... вы поверили.

— Я не просто поверила, — сказала Вера. — Я пятнадцать лет в молочном отделе работаю. Я человека по выбору сметаны вижу. Вы — честный человек, Валентина. Просто запутавшийся.

Они посидели ещё немного. Потом Валентина поднялась, поправила берет и ушла — обратно в сберкасса, к чужим деньгам и дрожащим пальцам. А Вера осталась на скамейке, глядя, как ржавые карусели медленно покрываются каплями начинающегося дождя.

Вот так, значит. Дочь. Внебрачная, отданная в детдом, нашедшаяся через сорок лет. А Мария Захаровна, одинокая старушка, которая всю жизнь покупала варёную колбасу и мятные пряники на сдачу, — она, оказывается, носила в себе такую тайну, что хватило бы на роман. Или на приговор. Или на то и другое сразу.

Вечером Вера сидела на кухне и нарезала хлеб к ужину. Ольга прибежала из школы с новостью: их класс отправляют на субботник в соседний сквер, и она записалась добровольцем.

— Добровольцем? — Вера подняла бровь. — Ты?

— А что? Я тоже хочу! Там мальчики будут из девятого «Б»!

— Понятно, — сказала Вера. — Значит, субботник — это прикрытие. А на самом деле — смотрины.

— Мам! — Ольга вспыхнула. — Никакие не смотрины! Просто общественно полезный труд!

— Оль, я двадцать лет в советской системе. Общественно полезный труд — это когда делаешь что-то и тебе за это не платят. А когда ещё и мальчики из девятого «Б» — это уже культурно-массовое мероприятие. Ты, главное, грабли не забудь. И не подметай слишком усердно — мужчины этого не любят.

Ольга фыркнула и убежала делать уроки. Мать, которая всё это время слушала с кровати, подала голос:

— Правильно воспитываешь. А то я в её годы на субботник пошла и встретила твоего отца. Тоже мне — общественно полезный труд. До сих пор аукается.

— Мам, папа был хороший человек.

— Хороший, — согласилась Зинаида Петровна. — Только грабли вечно забывал.

Позже, когда все улеглись, Вера достала из буфета пачку чая и заварила покрепче. Завтра на этой кухне встретятся три женщины. Одна — жадная и напуганная. Другая — виноватая и растерянная. Третья — дочь, у которой украли мать дважды: сначала в детстве, потом сейчас. И Вере предстояло сделать то, чего не смогли бы ни милиция, ни суд, ни нотариус: восстановить справедливость. Не по закону — по совести.

Она размешала сахар и посмотрела в окно. Дождь кончился, небо расчистилось, и над хрущёвками висела луна — круглая, жёлтая, похожая на головку «Российского» сыра. Вера хмыкнула: «Даже луна сегодня из гастронома».

Завтра будет трудный вечер. Но пока — чай, тишина и привычный гул холодильника за стеной. Жизнь.

Глава 5

Четверг начался с того, что в молочный отдел завезли долгожданную сметану — жирную, густую, в стеклянных баночках, которые полагалось сдавать обратно под страхом общественного порицания и лишения права на повторную покупку. Очередь выстроилась мгновенно, как по сигналу тревоги, и к десяти утра уже достигала дверей мясного отдела.

— Девушка, а сметана свежая? — спросила тётка в берете, которая, судя по всему, переехала в очередь на постоянное место жительства.

— Свежее не бывает, — ответила Вера, ловко поддевая крышку. — Вчера коровы лично утвердили план по надою. Будете брать или вас из списка вычеркнуть?

— Беру! Две!

— Две в одни руки не даём. Вы что, первый день в Советском Союзе?

Очередь одобрительно загудела. Вера работала споро, но мысли её были далеки от сметаны. Вечером предстояло то, чего она ждала и боялась одновременно: собрать на своей кухне трёх женщин, каждая из которых считала себя правой, и каждая из которых была права по-своему. Только правда у них была разная, и эти правды предстояло как-то примирить.

Люся, заметив задумчивость начальницы, тактично взяла на себя общение с особо нервными покупателями.

— Вера Андреевна, а вы не волнуйтесь, — сказала она вполголоса, улучив момент. — У вас талант. Вы даже скандал из-за просроченного кефира улаживаете так, что люди уходят довольные и ещё спасибо говорят.

— Люся, — Вера вздохнула, — там кефир был просто предлогом. А тут — три тысячи рублей, покойница и три живых человека, которые друг друга на дух не переносят. Кефир по сравнению с этим — лёгкая разминка.

— А вы всё равно справитесь. — Люся поправила заколку. — Я в вас верю.

— Спасибо, Люся. Если что — будешь моим заместителем по особым поручениям.

— А что нужно делать?

— Стоять и молчать. И чай вовремя подливать.

К шести вечера Вера была уже дома. Она накрыла на кухне стол: чашки, блюдце с печеньем «Юбилейное», вазочка с клубничным вареньем (прошлогодним, но ещё вкусным), сахарница. Мать, Зинаида Петровна, лежала на своей кровати и наблюдала за приготовлениями с тем особым скепсисом, который вырабатывается у лежащих больных за годы наблюдения за жизнью, идущей мимо.

— Прямо как в Кремле, — заметила она. — Саммит. Только флагов не хватает.

— Мам, не начинай.

— Я молчу. Я вообще сплю. — Она демонстративно закрыла глаза. — Но если что — я здесь. И слышу всё. Имей в виду.

Ольку Вера предусмотрительно отправила к подруге — «учить химию». Химия у подруги, как подозревала Вера, была не сложнее таблицы умножения, но какая разница. Главное — чтобы не мешала.

Первой, ровно в семь, пришла Валентина. Она была в том же сером берете, но сегодня он сидел на голове как-то особенно сиротливо. В руках — пакет с чем-то явно кондитерским.

— Вот, — сказала она, протягивая пакет. — Пирожные. «Картошка». В кулинарии давали, я успела.

— Спасибо, — Вера взяла пакет и поставила на стол. — Вы очень кстати. Пирожные — это хороший знак. На переговорах кондитерские изделия способствуют разрядке.

— Вы думаете, получится? — Валентина села на краешек стула и сжала руки на коленях.

— Должно. Если все будут вести себя как взрослые люди. А если нет — у меня есть запасной план.

— Какой?

— Участковый в соседнем подъезде. Но до этого, надеюсь, не дойдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.